

ФОРМУЛЫ *L'ÉTOURDIT*¹

Ален Бадью

В названии *Формулы "L'étourdit"* слово «формулы» надо понимать в двух смыслах. Прежде всего, за выражением «формулы ...» скрываются математические формулы. Но здесь также уместно и поэтическое понимание, в том смысле, в котором это слово употреблял Рембо: «Найти место и формулу»². Наша задача – ухватить связь между этими двумя смыслами. Как формула может существовать одновременно и в регистре матемы, и в регистре существования субъекта?

Считается, что психоанализ в целом и лаканианский психоанализ в частности делают ставку на неоднозначность означающего. Что понимание языка Лаканом целиком деонтологизировано, так как неоднозначность означающего и плюрализм интерпретаций разрушают фундаментальную философскую концепцию онтологии от Аристотеля до Делёза (и Бадью лишь усугубил ситуацию), а именно – концепцию однозначности бытия.

Но наличие формул у Лакана противоречит этой точке зрения, поскольку формула предполагает однозначность настолько абсолютную, что буквальность её универсального значения является непосредственной. Если рассматривать метафизику Аристотеля в качестве *Другого* лакановского психоанализа, нужно допустить, что аналогию между ними можно проводить не потому, что его метафизика утверждает однозначность бытия, а ввиду того что Аристотель не понял (в отличие от Платона), что стоять на страже однозначности может только буквальность математики. Именно математика является парадигмой любого «продырявливания» обыденности смысла истиной и, к тому же, дискурсивным реальным онтологии множественного.

Я ещё вернусь к тому, что только испытавший формализацию (то есть затронутый реальным) смысл заставляет истину свершиться как бес-смыслицу.

О реальном можно сказать, что это голое бытие. По этой причине Лакан не смог избежать онтологии, даже несмотря на то, что он называл онтологию «срамтологией». Под прикрытием критики редукции к логологии (Барбара Кассен

¹ Перевод текста выполнен по изданию: Badiou A., Cassen B. *Il n'y a pas de rapport sexuel. Deux leçons sur 'L'étourdit' de Lacan*. Paris: Fayard, 2010. Публикуется с любезного разрешения автора.

² «Я, в самом деле, со всю искренностью, обязался вернуть его к первоначальному состоянию, когда сыном Солнца он был, и мы вместе бродили, подкрепляясь пещерным вином и сухарями дорог, в то время как я торопился найти место и формулу». А. Рембо, *Бродяги*.

предложила заменить это слово на «онтологический бред») Лакан первый заклеил в *лингвистическом повороте* (организованном высадившимися на американском континенте венцами) то, что он превосходно определил как «идеалингвистерию».

Есть ли альтернатива однозначности онтологии и идеализму логологии? Лакан не ограничивается этой дилеммой, потому что для него непреодолимым для мышления горизонтом является вовсе не неоднозначность смысла, а «формализация, которая есть наша цель и наш идеал». Для Лакана, даже при том, что в траектории лечения царит неоднозначность, наивысшая цель – передаваемое целиком, без остатка, знание. Он хочет достичь упорядоченной символизации, или, как он говорит, «правильной формализации», в которой не найдётся места для неоднозначности.

Я хотел бы рассмотреть такой сложный вопрос: как в психоанализе возможно перейти от лингвистической неоднозначности к чему-то (будь то формула или формализация), что в то же время является границей и отрицанием этой неоднозначности? Что за дыра в неоднозначном языке допускает, чтобы на его поверхности появлялась пустота однозначности? Я хочу обратиться к проблеме *бреши*, которую сформулированная однозначность пробивает в герменевтической неоднозначности. Собственно, в *L'étourdit* Лакан рассматривает этот же вопрос.

Достаточно большая часть *L'étourdit* посвящена анализу темы, вопросу математических отношений. Ключевой вопрос, которым задается Лакан в этом тексте: как во время лечения перейти от бессилия (воображаемого) к невозможности (реальному)? Таким образом, в тексте разъясняется, что связь между ними интеллигибельна до тех пор, пока мы не задаёмся вопросом о сущности формализации. Вот единственная прямая цитата из *L'étourdit* в моём тексте, и всё сказанное далее будет комментарием к ней:

«Фрейд ведёт нас к тому, что бес-смыслица означает пол: где вздувается бес-полый смысл, явленный топологией, там последнее слово оставляет нас за собой».

Пока я оставляю эту цитату мерцать в темноте её послания и скажу, что путеводной нитью в моём исследовании станет отношение Лакана к философии. В конце концов, это единственная вещь, которая меня интересует. И это естественно. В различных текстах, и в особенности в *Антифилософии Витгенштейна*, я писал о том, что те, кто причисляет себя к антифилософам (Витгенштейн, Лакан и Барбара Кассен, называющая себя «софисткой»), лишь адресуют философии вызов со стороны нового для неё объекта. Они говорят, что именно этот объект упраздняет претензии философии, потому что она «забыла» о нём, не удосужилась обратить на него внимание. Таким образом, антифилософы *подвергают* философскому исследованию некий парадоксальный объект. У Горгия это небытие, у Паскаля – «пари», у Руссо – чистое бытие, у Киркегора – радикальный выбор, у Ницше – жизнь, у Витгенштейна – язык, и бессоз-

нательное – у Лакана. Подобное исследование тут же определяет антифилософов как частный случай философской девиации.

Своим вкладом я хотел бы поспособствовать и без того неизбежному включению наследия Лакана в философию как таковую. В этой точке включения нет ничего, кроме критики смысла в пользу знания о реальном. Покончить со смыслом – именно такая цель стоит на кону у любой философии, достойной этого названия. Истина, любовью к которой и является философия, не способна приспособиться к вариативности смысла. Да, мы желаем отсутствия смысла.

Поэтому в творчестве любого антифилософа сохраняется некий «остаток», который при всей его включённости в философию напоминает об этом «анти». У Лакана такой остаток проявляется в отрицании возможности желать и находить «истину», в которой знание касалось бы реального. Ниже я обращусь к вопросу о том, почему Лакан, на мой взгляд, является в равной степени и философом, и антифилософом. Он философствует о том, что психоанализ является антифилософией. Впрочем, не являются философией науки в целом, и тем не менее они не приводят к созданию антифилософии. Наоборот, в своём стремлении исключительно к знанию они находят новые пути для истины.

Я буду исходить из концептуального триплета: истина, знание, реальное. Я полагаю, что *L'étourdit* – это дизъюнктивное высказывание аналитического и философского дискурсов, построенное на двух абсолютно отличных способах артикулировать триплет *истина-знание-реальное*. Как таковой, этот триплет, пограничный между двумя дискурсами, является общим для них обоих.

Какова, по мнению Лакана, истинная природа философской операции? Что Лакан идентифицирует как «философское», придавая тем самым смысл и понятию анти-философии? По мнению Лакана, философская операция утверждает наличие единственного смысла истины. Но почему? Потому что её целью является своего рода утешение, которое она предлагает нам под именем «мудрости», утешение, состоящее в том, что она утверждает наличие истины реального. Имплицитная или эксплицитная аксиома философии заключается в том, что истина имеет смысл, поскольку существует истина реального. Итак, Лакан противоречит своему же определению операции философии (в частности, данному в *L'étourdit*), утверждая, что *нет смысла истины, потому что нет истины реального*. Тезис *L'étourdit* состоит в том, что в реальном есть только функция знания, и эта функция осуществляется не в порядке истины как таковой.

Реальное в *L'étourdit* чётко определяется через констатацию отсутствия в нём смысла. Из этого следует, что для того, чтобы помылить триплет истина-знание-реальное полностью, нужно следовать в направлении вопроса о смысле. В комментарии к аристотелевской *Метафизике* Барбара Кассен пишет, что видит в главе четвёртой (*Гамма*) «решение касательно смысла». Можно сказать,

что *L'étourdit* – это ещё одно решение о смысле, отличное от аристотелевского. В соответствии с ним реальное может быть определено так: *смысл в такой степени, в какой бес-смыслица*. Реальное – это такая бес-смыслица, из отсутствия смысла в которой следует, что смысл существует.

Однако следует иметь в виду, что, по Лакану, бес-смыслица (*ab-sens*) абсолютно отлична от нон-сенса (*non-sens*). Тезис Лакана не является абсурдистским или экзистенциалистским в широком смысле слова; это скорее заявление о нон-смысле реального. Согласно этому заявлению, доступ к реальному открывается нам, только если мы предположим, что реальное – это отсутствие в смысле (бес-смыслица в смысле) или вычитание (из) смысла. Всё дело здесь в различии между бес-смыслицей и нон-сенсом.

Каким образом это связано с отношением Лакана к философии? Дело в том, что провести различие между отсутствием (*absence*) и нон-сенсом (*non-sens*) возможно только при сопоставлении с проблемой полового различия. А точнее, с тем, что составляет реальное бессознательного, то есть то, что сексуальных отношений не существует. Половое различие раскрывает, можно сказать, «оголяет» реальное как чистую невозможность: невозможность отношения. Реальное сопоставимо с бес-смыслицей, а именно с отсутствием любого отношения, то есть оно – полное отсутствие *смысла пола*.

Здесь присутствует генеалогическая логика: реальное является собственно невозможным в соответствии как со смыслом, так и с бес-смыслицей, и потому синонимом бес-смыслицы в этом тексте Лакана выступает бес-полый смысл (*sens ab-sexe*). «Бес-полый смысл» – это формула, сообщающая нам о том, что сексуальных отношений нет. Важно увидеть, что негативные выражения («не имеет места», «есть бес-смыслица») будут эквивалентны не-негативной формуле «смысл бес-полости».

Отсутствие как вычитание из смысла (классического решения касаемо смысла) /*например: сексуальное «отношение» не имеет никакого смысла и потому не является отношением*/ не может быть отнесено к смыслу (решению о смысле аристотелевского типа). Но также оно не может быть отнесено к негативной инверсии смысла. Действительно, это не смысл, не нон-сенси, а единичное высказывание, лишённое места, абсолютно изначальное, которое является самим отсутствием смысла. Но отсутствие смысла позитивно означает бес-полый смысл, то есть, в итоге, реальное как то, что характеризуется отсутствием смысла. Смысл же заключается в том, что в обстоятельствах сексуальных отношений нет отношения, то есть того, что в концентрированной синтаксической формуле утверждало бы бес-полый смысл. Центральное высказывание *L'étourdit*: отсутствие смысла – это не нон-сенси, потому что оно является бес-полым смыслом.

Значимость этого утверждения в том, что в нём обосновывается возможность матемы, целостной и краткой передачи смысла посредством формулы. Обосновывается это предположением, что

любая функция реального в знании некоторым положительным образом вписывается в отсутствие. Полностью передаваемо вписывание отсутствия как бес-полого смысла. Общий вид любой формулы знания: функция знания о реальном – это функция, которая заносится в бес-смыслицу в той степени, в какой бес-полый смысл поддерживает её в качестве положительной. Поэтому можно сказать, что есть смысл знания. Знание как таковое в качестве функции в реальном оснащено уникальным бес-полым смыслом (бес-смыслицей). Как следствие, отношение к реальному (Лакан называет его отношением к дискурсу аналитика) будет отношением смысла к знанию как к бес-полому смыслу, в то время как философское отношение к реальному содержится в регистре истины.

На этом этапе суждение, которое выносится относительно философии, состоит в том, что она неспособна дойти до смысла знания. Разворачиваясь в злополучном симптоме (любви к истине), философия обходится без принципа, с которым смысл коррелировал бы так же, как знание соотносится с функцией реального, то есть у философии нет формулы «отсутствия сексуальных отношений». В ней нет этого абсолютно уникального смысла, который, по правде говоря, не является ни смыслом, ни нон-сенсом, но бес-полым смыслом. Очевидно, что ей не хватает реального, понимаемого как дар реального. Ей не хватает доступа к смыслу знания. В некотором смысле, философию влечёт к истине. Это влечение скрывает и подчищает следы времени реального как отсутствия, как отношения «знания» к бес-полому смыслу.

Говоря иначе, и даже упрощая: философия находится в заложниках у пары «смысл – истина». Такая комбинация предполагает, что противоположностью смысла является нон-сенс, а не бес-смыслица. Поэтому философия – это поиск смысла истины, при котором удаётся избежать экзистенциальной драмы нон-сенса.

Заметим по ходу, что уникальный процесс, который представляет собой философия, отличается от того, что Лакан назвал религией: религия не становится бесконечным поиском смысла истины, потому что исходит из предпосылки, что есть точка, в которой истина и смысл неотличимы друг от друга. Смысл истины не может быть представлен в качестве доказательства нон-сенса, потому что есть высшее существо, формула которого: истина = смысл. У философии нет подобного императива, позволяющего утверждать, что хотя бы в одной точке смысл неотличим от истины. Конечно, философия допускает такой императив, но её суть состоит не в этом. Философия пытается встать лицом к лицу и со смыслом, и с истиной. Для философии истина необязательно должна отождествляться со смыслом, и в этом смысле она не нуждается в «религиозности». Но изнутри её невозможно чем-либо заменить пару смысла и истины, потому что единственное, что может сдвинуть с места эту пару, – это категория бес-смыслицы (бес-полого смысла) как функции реального. В философии нет функции реального в знании ввиду чистой изначальности пары истины и смысла, ввиду того,

что она игнорирует центральное «не существует» (в котором подтверждается невозможность реального).

Попытаемся облачиться в мантию адвоката философии и начнём оправдательную речь: вся антифилософская критика Лакана основана на действительности, существенности, значимости категории бес-смыслицы (бес-полого смысла). Точнее говоря, всё основано на утверждении, что психоанализ в присущем ему опыте пола (бес-полости) встречает реальное тогда, когда оно смещает эффекты смысла; в той точке, где существует регистр смысла, в котором нет ни его утверждения, ни отрицания. Аналитический опыт предположительно открывает новое пространство между смыслом и нон-сенсом, которое и требуется для придания некой оформленности аналитическому акту.

Собственно, в том, что психоаналитический акт имел место, можно удостовериться лишь постфактум, после того как было произведено некое знание, поддающееся последующей передаче. Только данное производство знания удостоверяет задним числом, что психоаналитический акт свершился. Итак, передаваемое знание оказывается функцией знания в реальном. Знание вписывает его, тем или иным способом, в бес-полюй смысл или отсутствие смысла. Если посмотреть на вещи с точки зрения теории антифилософии (клиники), мы увидим, что, по Лакану, именно абсолютная необходимость производит разрыв между смыслом и нон-сенсом. В чём и заключается реальное как таковое, реальное «несуществования», реальное как невозможность отношения, или, рискнём тут предложить философему, чистое бытие как бессвязная множественность. Или пустота.

В этой точке между различными школами психоанализа разворачиваются дискуссии о процедуре «перехода» (*la passe*). Данная процедура служит для того, чтобы проверить, состоялся ли аналитический акт. Она целиком основана на идее трансмиссивности, передаваемости знания. С помощью этой процедуры, посредством последовательных передач знания, верифицируется, было ли в психоаналитическом лечении произведено новое знание (а значит – задействована функция реального). Общая схема такова: некто рассказывает другому о том, что произошло, причём рассказ этот предназначен третьему лицу. Таким образом, отфильтровывается то, что действительно является трансмиссивным.

Для элиминации малозначимых отклонений необходимо несколько этапов. Важно, что открытие зазора между смыслом и нон-сенсом, когда бес-полюй смысл расчищает себе дорогу к позиции минимальной доступности, постфактум подтверждает трансмиссивность, которая касается аналитического акта. Сам акт никогда не представлен в высказывании, он пересекается со своим «имением места». Необходимо, чтобы это место акта могло косвенно вписаться в форму передаваемого знания, которое имеет силу доказательства для самого акта. Акт удостоверяется только в фигуре передаваемости знания. Но почему? Потому что знание касается

отсутствия (бес-полого смысла). Можно сказать, что переход – это транзитивная организованность последовательных отсутствий, помещённая в речь. Это машина, скрепляющая вместе (или не скрепляющая, в случае если «перехода нет») рассказы. Внутренний распорядок этих нарративов заступает на место бес-полого смысла, тем самым удостоверяя, что данная передача – не что иное, как передача знания в связи с реальным.

В глубине души Лакан убеждён, что *философия – это как раз то, что не переходит, то, в чём не может быть перехода*. Поэтому в философии есть только учителя и ученики. Ни один философ не создаст свою философию, если он не рассказывает её кому-то другому, и этот другой не удостоверит перед кем-то ещё, что говорящий действительно философ, что где-то имел место философский акт. Обвинение, которое Лакан выдвигает против философии, состоит в том, что если вы касаетесь пары «смысл – истина» (философия пытается сделать это, забывая, что она является «несуществованием сексуальных отношений»), вы не в состоянии производить знание, передаваемое целиком, без остатка. Вы не найдёте формулу для этой пары, потому что любая формула требует знания, которое будет функцией реального. Да, для психоаналитика философия не подлежит «переходу». Можно отметить следствия этого: остатки, произведённые при «переходе», вероятнее всего состоят из философем. Если мы пороемся в мусоре от «перехода», то найдём философские отходы на той или иной стадии разложения. Твёрдым ядром «перехода» является то, что удостоверяет реальное с точки зрения бес-полого смысла, который схватывается в касающемся его акте. Эти отходы являются философемами, в основном труднопередаваемыми и располагающимися за пределами смысла и нон-сенса.

Итак, подытоживая сказанное, мы можем выделить *три* различных аспекта лаканианской антифилософии.

Во-первых, философия неизвестно о регистре бес-смыслицы. Философия не желает знать об этом регистре. На месте бес-смыслицы (бес-полого смысла) философия всегда создаёт что-то иное. Аристотель, как показала Барбара Кассен, создал на этом месте принцип непротиворечивости.

Во-вторых, философия не знает о позиции, которую в реальном занимает знание. Эта позиция поглощается «любовью к истине».

И в-третьих, философия имеет зеркальный характер, потому что просто помещает истину и смысл в пространство отражения, полагая, что у истины есть единственный возможный смысл.

Теперь мы можем вернуться к триплету *знание-истина-реальное* и рассмотреть, как он функционирует в формулах, предложенных в *L'Étourdit*.

Для Лакана нет истины реального, в противоположность тому, что всегда так или иначе предполагалось в философии. Истина есть только тогда, когда есть функция реального в знании.

Знания о реальном тем более не существует. Есть функция реального в знании, и это вовсе не одно и то же. Есть производство

знания в области бес-полого смысла, но речь не идёт о знании бес-смысленного смысла как такового.

И наконец, нет знания об истине. Самое большее, что мы можем сказать, это то, что существует истина знания, если считать, что в нём функционирует реальное. Условно можно сказать, что истина знания измеряется тем, что некоему реальному бес-полого смысла случается там функционировать. Но тем не менее истины знания не существует.

Для Лакана – и, я думаю, это новаторский тезис *L'étourdit*, и потому важнейший – триплет знание-истина-реальное не может быть разделён. В нём нельзя выделить пары. Нельзя составить пары из истины реального, знания о реальном или знания об истине. В психоанализе, согласно Лакану, каждый раз, когда вы говорите об истине, надо привлекать и знание, и реальное. Каждый раз, когда вы говорите о знании, надо обращаться к истине и реальному. И невозможно говорить о реальном, не привлекая истину и знание. Истина-знание-реальное – это неразлагаемый на части триплет. Если вы будете утверждать, что есть истина и реальное, необходимо определить место для функции знания; если у вас есть знание о реальном, вы должны предположить, что на них будет влиять истина; и когда вы говорите об отношении между истиной и знанием, нужно иметь в виду реальное.

Это многое объясняет. Для Лакана философская операция – это распадение триплета, [поскольку] философия утверждает, что из триплета можно составить пары. Почему? Потому что, предполагая, что может существовать истина реального, философия также предполагает, что может существовать знание об истине, и на основании этого факта она соединяет три пары триплета после того, как его расчленила. Я могу показать, что в *L'étourdit* – и вообще во всех текстах, которые были написаны в этот период (между 1970 и 1975), – речь всегда идёт о том, чтобы воссоединить триплет. Нужно схватить его в точке, где его составляющие разбежались ради составления философских пар. Нужно восстановить плотность триплета истина-знание-реальное, не допуская, чтобы два из трёх его членов остались бы наедине друг с другом.

Предлагаю вам следующее лаканианское определение философии: философия – это ниспровержение трёх парой. Философия отказывает трём в том, что их изначальное состояние не предполагает того, что они могут быть развёрнуты из двух. В этом и заключается причина противоречий между Лаканом и Гегелем, ведь Гегель представляет позицию трёх таким образом, что она необходимо порождена противоречием двух. Именно это делает Гегеля философом для философов.

Но величайшая загадка, смысл которой мы должны логически объяснить, состоит в их [Лакана и Гуссерля] *дискуссии о трёх и двух, на самом деле являющейся спором об Одном*. Предложим вариант лаканианской теоремы, которая определяет сущность анти-философии. Теорема гласит: «Если три отменяется двумя, то по-

тому, что неверно было осмыслено одно». Но в чём проявляется это неверное осмысление? В утверждении «Одно существует»! Когда вы говорите: «Одно существует», – вы уже на пути к низложению трёх двумя. Уже Гегель был вынужден утверждать бытие Абсолюта как единственную позицию становления Духа, чтобы обеспечить сцепление негативного движения, которое порождает три исходя из простого противоречия. Предположение, что «Одно существует», – это первый шаг к расчленению изначального триплета истина-знание-реальное. Потому что если вы говорите, что «Одно существует», это приводит к утверждению, что истина реального есть потому, что оно – Одно. Там, где реальное демонстрирует единство своего бытия, есть реальное реального. Это первая из пар, которые можно извлечь из трёх. К тому же, признавая, что «Одно существует», мы поддерживаем тезис о том, что существует знание о реальном: знание об Одном как об объекте, или объективность. Это вторая пара, извлечённая из трёх. Таким образом, если вы говорите: «Одно существует», – вы находитесь в пространстве философии.

Реальное же, напротив, не есть то, у чего может быть истина, оно также и не то, о чём можно знать, то есть, если нет философских пар, извлечённых из триплета (истина реального, знание о реальном и истина знания), то высказывание об Одном не может существовать в форме «Одно существует». Высказывание о нём должно звучать так: «Одно имеет место». «Одно имеет место» – это радикальный взлом спекулятивного (то есть философского) тезиса «Одно существует».

Весь ряд рассуждений Лакана направлен на то, чтобы доказать, что если некто поддерживает тезис о том, что «Одно имеет место», а не «Одно существует», то он не расчленяет триплет. Чтобы поддерживать сцепление трёх в форме истины-знания-реального, нужно понять, что именно будет обеспечивать неделимую связь в триплете. Но таким образом объединяющей силой не могут обладать истина или знание (это было бы возвращением к философским парам); устойчивость триплета неизбежно будет лежать между реальным («исключительной», вне-находимой по отношению к триплету точкой) и чем-то, что, не будучи ни истиной, ни знанием, с необходимостью находится в измерении действия.

Поскольку о реальном нет ни знания, ни истины, истина существует только при условии, что она бесконфликтно связана с реальным как функция знания, и необходимо, чтобы в ней присутствовала чистая встреча с реальным. Назовём «действием» точку встречи с реальным как таковым.

Реальное невозможно познать именно потому, что оно находится в триплете истина-знание-реальное и не может быть из него изъято, чтобы составить пару с одним из двух других членов. Более того, следует постоянно оговаривать, что реальное снимает *познание*. Снятие познания Лакан называет доказательством ре-

ального. Перед нами странный, но достаточно сильный тезис: реальное не познаётся, оно доказывается.

Но как же тогда Лакан избегает кантианства? Если реальное вычтено из познания, мы приходим к «трансцендентальной критике» и к тому, что реальное (в себе) непознаваемо, а нам доступно лишь знание феноменов. Так, в конце концов, реальность стала бы даром феноменальной стороны вещей, а реальное – недоступной в ней точкой бытия, с которой возможно было бы только отношение действия (практическое отношение). Отношение реального к реальности было бы предписывающим, а не когнитивным. Реальное проявляется в практическом разуме, категорическом императиве, а не в теоретическом, который определяет феномены. Подобные интерпретации Лакана и Канта встречаются, например, у словенцев (Жижек, Жупанчич), и в них есть большой потенциал.

Что касается меня, я думаю, что Лакан уклоняется от ловушки трансцендентальной критики и категорически не может быть кантианцем. Он предположил вовсе не то, что реальное является непознаваемым, и тем более не то, что оно познаваемо. Тезис Лакана в том, что реальное внешне по отношению к антиномии познавать/не знать. Реальное как таковое не касается альтернативы знания и незнания, оно восходит к тому, что Лакан пытается ввести под именем «доказательства».

Выражение «доказать реальное» может быть понято в двух смыслах. Естественно, это теория, классическая для Лакана, о том, что о реальном нет иной науки, кроме логики, причём формальной. Можно определить реальное как тупик формализации; то, что касается реального, является формализацией, формализацией в самом чистом виде.

Получается, что передаваемость бес-полого смысла можно обеспечить единственно через фигуру матемы. Нет языка о реальном – к нему применимы лишь формулы.

Второй смысл «доказательства реального» в том, что доступ к реальному открывается в измерении действия. Важнейший вопрос заключён в «отношениях» (с кавычками или без) между действием и матемой. Именно в этом заключается исход, если не мотив лаканианской встречи с философией: в способности возобновить схватывание общего пространства матемы и аналитического акта как уникальной мысли. И я показал, что переход – одна из фигур, позволяющих это сделать.

Можно говорить о том, что имел место «психоанализ», или даже имел место психоаналитик, если некто присутствовал при акте, в котором возникла матема.

Остаётся задаться вопросом, есть ли гарантия, что процессы, организующие нераздельность триплета и доступ к реальному через формулы в измерении действия, помогают прийти «к» истине. Такая гарантия, которая стала бы знаком, сигналом, что мы находимся в области бес-полого смысла (бес-смыслицы), там, где реальное соответствует своему месту.

Конечно, ответ – да. Согласно Лакану, таким знаком является тревога. Этот аффект функционирует как латентная гарантия влияния истины, произведённой функцией знания в реальном. Как и Паскаль, Руссо, Киркегор, Лакан поддерживает тезис не-дизъюнкции между первичностью действия и потенциальной прозрачностью говорения. Речь идёт не просто о чудодейственной иррациональности действия, противопоставленной рациональной передаваемости произнесённого. Идея Лакана в том, что существует некая загадочная точка (она уникальна, всегда доступна для возвращения в неё, но не предзадана) – например, решение лечиться у Лакана, или авантюра пари и обращения у Паскаля, или переход на следующую стадию у Киркегора, – точка, где прерывание действия и полная трансмиссивность сказанного выглядят весьма загадочно и одновременно являются всего лишь моментами становления мышления. Эта точка сигнализирует о себе через аффект, в котором мы не можем ошибиться – как говорит уже ранний Лакан: «тревога не обманывает».

Для Лакана следствия этого опосредуют этику лечения. К процедуре лечения есть два требования (одно сильнее другого): первое – производить то, что Лакан называет «правильной формализацией». Правильная формализация определяется как восхождение от бессилия (воображаемого) к невозможному (реальному). Необходимо произвести поле захвата, где возможна встреча с реальным. Но чтобы в точку реального можно было возвратиться, у психоаналитика должна быть формализованная система ограничений, которая так или иначе приводила бы к точке, обозначенной как точка невозможного. Лакан говорит и о другом требовании, касающемся тревоги. Я процитировал формулу Лакана: тревога не лжёт. Проблема в том, что аффект, который в конце концов является аффектом триплета реальное-знание-истина, в соответствии с законом реального должен использоваться весьма осмотрительно. Тревогу надо дозировать. То, что она не ошибается, сигнализирует о том, что мы на территории, прилегающей к бес-полному смыслу, на территории, которая открывается между смыслом и нон-сенсом как новая виртуальность. Аналитику следует дозировать её употребление, так как её использование без меры – смертельно.

В лечении есть две сплетённые между собой темпоральности. *Во-первых*, темпоральность формализации, которая всегда искушает спешкой, соблазняет своей быстротой, действенностью формализации. *И во-вторых*, темпоральность дозирования тревоги, которое, напротив, всегда искушает незавершаемостью. Так можно понимать название одной из работ Фрейда *Анализ конечный и бесконечный*. Темпоральность, которая состоит в том, чтобы измерять тревогу, может постоянно откладывать срок действия реального, окутаться в водоворот смысла и нон-сенса, необходимых, в итоге, единственно для того, чтобы избегать поволоу бес-смыслицы. Когда же речь идёт о формализации, у психоаналитика вовсе нет желания её упразднить. Ему приятно быстро достигнуть блеска

поспешной формализации. Эти два временных режима вплетены друг в друга. Этика лечения состоит в том, чтобы придерживаться этих противоречивых предписаний относительно темпоральности до момента, пресекающего психоаналитический акт. Лишь акт передачи триплета в его собственной формуле может разделить по живому эти два терморальных режима, смешанных в лечении. И в этом акте психоаналитик будет не более чем «отбросом».

Теперь мы можем сделать заключение о том, что же действительно разделяет психоанализ и философию, и *Létourdit* даёт нам формулы для этого. В психоаналитическом лечении, вследствие неразложимости триплета истина-знание-реальное, существует имманентное отношение между поспешностью и задержкой. Это отношение несёт в себе диалектическую связь между формулами, производством желания матемы (правильная формализация) и аффектом (тревога), который выступает гарантией реального. Таким образом, в диалектике различия временных режимов матема и тревога являются фигурами, которые противопоставляются отложенному доступу к реальному. Этот доступ, зажатый между поспешностью и задержкой, в конце концов может быть найден лишь самим анализируемым средством действия.

Философия не может вылечить неким внешним установлением, когда действие становится молчаливым введением не-ведомой истины. Философия не лечит, лечение – дело разговора. Собственная темпоральность философии заключается в том, что она обладает *всем своим временем*. Это помогает обнаружить в дискурсе философии антидиалектическую связь, которую она поддерживает с вечностью Истины.

Изначальный мотив этой связи состоит в том, что у истины нет смысла, но её развитие предполагает, что о *некоторой* истине, принадлежащей регистру *Истины* и не содержащей ни капли знания, можно нечто высказать (потому что её создаёт вовсе не разговор). С этой связью психоанализ не может ничего сделать. И наоборот, философия может двигаться, не отказывая себе в спекулятивной амбиции находиться *наравне с психоанализом*, в то же время не отбрасывая во имя сомнительных преимуществ языка убеждение, что она является вне-смысловой (бес-смыслицей) и истина её – не что иное, как чистое прикосновение реального.

Отныне Лакан (и все, кто будет его защищать), подобно Горгию, Паскалю, Руссо, Киркегору, Ницше или Витгенштейну, Барбаре Кассен, может по праву считаться проницательным метафизиком.

Перевод с французского
Лины Медведевой